

"..главная цель путешественника - просвещать людей, воспитывать в них добродетель, совершенствовать их ум при помощи хороших и дурных примеров из жизни чужих стран". Джонатан Свифт

Две половинки дверей гостиницы "Пять дубов", кого-то выпустив, сами стали сдвигаться, но увидев меня, спохватились и снова поехали в стороны... Когда я вошел в номер, большой телевизор был включен. На его экране светилось: "Добро пожаловать к нам в гости, уважаемый мистер....". И моя фамилия.

Англия началась для меня, как театр. Я снял пальто, открыл платяной шкаф с шеренгой отличных лакированных вешалок и не одну не смог снять. После долгих мучений обнаружил, что вешалки состоят из двух частей - собственно крючка, скользящего по штанге, и снимающихся плечиков. Чтобы не воровали вешалки? Не запихивали в чемодан по рассеянности?

Электрические полотенцесушители в ванной нагреваются только если их включить. Краны над раковиной в общественных туалетах дают воду на несколько секунд, и чтобы вымыть руки, приходится нажимать несколько раз. Экономия. Об отсутствии в этой стране смесителей я был предупрежден, но моральная подготовка не облегчает выбора между крутым кипятком и ледяной водой.

Я оказался в Англии в момент наивысшего пика "биф-кризиса" - скандала, связанного с "коровьим бешенством", вызвавшего запрет экспорта английской говядины. Каждый раз при чтении новостей рядом с телеведущим на экране появлялась грустная морда британской буренки, приготовившейся, как и миллионы ее родственниц, идти под нож...

Надо признать, телевидение в Британии явно проигрывает нашему, московскому. И дело не только в том, что там всего четыре национальных телеканала. Есть и спорт, и фильмы, и концерты, но все это какое-то постное.

В гостиничном ресторане встречало печатное объявление о том, что все мясные блюда приготовлены из привозной, а не британской говядины.

Английская кухня оказалась такой же скучной, как телевидение. Даже бесплатные завтраки не возбуждали аппетита - вареные помидоры, сосиски, ветчина, вездесущие fish & chips.

Но британцам это настроения не портит, и они часто улыбаются. Без конца извиняются. Ты его нечаянно задел локтем - он "сорри". Ты первым нажал в лифте кнопку: "спасибо". Ты вошел в магазин: "здравствуйте!". Продавец спешит навстречу: "чем могу быть полезен?" В вашем присутствии говорят о вас так: "джентельмен интересуется...", "у джентельмена проблемы?"

Купленный костюм, часы, чемодан, если они разонравились, легко, сохранив чек,

вернуть в магазин. Не обязательно даже в тот, где покупали. Сеть магазинов одной и той же фирмы раскинута по всей стране, и почти в каждом городе мгновенно возвращают деньги. Прибавляя извинение.

На британских железных дорогах нет привычных для нашего глаза опор и контактных проводов. Здесь, как в метро, электропитание подается с третьего рельса. Самые элегантные джентельмены на вокзале - в темно-синих клубных пиджаках и отличных галстуках - билетные кассиры.

Я присел на скамейку в пешеходном квартале возле магазина "Маркс и Спенсер", чтобы послушать уличного музыканта, наигрывавшего на электропианале мелодии прошлых лет. Подавали музыканту не щедро. Но вдруг он заиграл "Розамунду" - залихватскую немецкую песенку военных лет, и я встал, чтобы бросить ему монетку. То же самое сделал румяный старик, украшенный седыми бакенбардами. Глаза наши встретились.

- Солдат? - спросил я.

- Солдат! - ответил он.

- Германия? - спросил я.

- Нет, Египет!

- Монтгомери, Роммель, Эль-Аламейн? - произнес я, как пароль. Мы стали вспоминать войну, и сами собой всплыли в памяти забытые с институтских времен английские слова.

На прощанье крепко обнялись - два старика - один из которых брел со своей бригадой по равнинам Западной Венгрии, а второй сплевывал скрипевший на зубах песок Северной Африки... "Розамунда"... Почему этот немецкий шлягер, который распевали тогда фашисты, вдруг заставил вздрогнуть наши сердца?

На оживленной лондонской улице почти рядом с Бейкер-стрит к моей спутнице подошли Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

Великий сыщик был, как всегда, с трубкой, в своей знаменитой каскетке горохового цвета и такого же цвета длинном реглане с пелериной, а Ватсон в черном пальто и котелке.

- Мисс,- сказал он, деликатно дотронувшись до ее рукава, - у вас прелестная куртка.

Мы переглянулись, ожидая, что Холмс сообщит, что обладательница куртки - переводчик и менеджер английского театра, пригласившего меня в гости, что родилась она в Москве, закончила пединститут имени Ленина, не выносит яйца всмятку, что куртка была приобретена на вещевой ярмарке в Лужниках, на случай плохой погоды. Но Шерлок Холмс не сказал ничего. Потому что так же, как и его товарищ, был всего-навсего живой рекламой музея-квартиры великого сыщика и раздавал визитки с

адресом.

В приморском Истборне в старинном "Кэвендиш-отеле" я каждое утро поднимал раму окна и наблюдал, как над Ла-Маншем встает солнце... Иногда меня будили чайки, нахально стучащие крепким желтым клювом в окно... Пляж под окном то залит волнами, то обнажен на сотню метров - прилив и отлив, каких не увидишь ни на Черном, ни на Балтийском море.

По набережной катался кукольный поезд из нескольких белых открытых вагончиков с электромобилем, похожим на старинный паровоз Джефферсона. На остановках водитель выходил из кабины с табуреточкой и, подставив ее к вагону, подавал дамам руку, помогая сойти...

В Истборне я провел несколько часов в лавке древностей, не в силах оторваться от полок. Старинные изделия из бронзы, фарфора, дерева -- каминные щипцы, корабельные барометры, медали и монеты, часы и заводные куклы, книги и картины, рапиры и безделушки... Вдруг я увидел трость с двумя стальными ручками. И затрепетал... Я взял ее, раздвинул ручки так, что они приняли горизонтальное положение. В таком виде можно, поставив трость, присесть на ручки, как на скамеечку.

Давным-давно, еще в довоенные тридцатые, когда я был одесским пацаном, среди бродячих фокусников, певцов, лудильщиков кастрюль и шарманщиков заходил в наш двор-колодец старый скрипач. Именно с такой тростью. Он садился на ее раздвинутые ручки и, слегка фальшивя, наигрывал неаполитанские песни. Боже мой, мог ли я предположить, что встречу эту вещь спустя шестьдесят лет в далеком, тоже приморском городке на берегу Атлантики! Путешествуют не только люди.

В Портсмут я поехал ради Военно-морского музея - обширной портовой территории со старинными флотскими казармами и стоящими на приколе легендарными парусниками.

Гвоздь программы - трехмачтовый линкор "Виктория", флагман британского флота в знаменитом сражении 21 октября 1805 года у мыса Трафальгар.

Даже сегодня эта плавучая крепость вызывает трепет своими размерами, своей тяжеловесной мощью и морским щегольством, идеальной законченностью и плавностью форм и линий, высочайшим мастерством кораблестроителей, заложивших ее на верфях Четхема в середине восемнадцатого века (строительство длилось шесть лет, использовано две тысячи выдержанных дубов, экипаж 850 человек, не считая юнг, вооружение - 104 орудия, расположенных вдоль бортов в линию).

Я обошел ют и бак, спардек и бушприт, фальшборты и кройткамеры, черные тазы в которые сплевывали табачную жвачку, допотопный камбуз - с аспидно-серой чугунной плитой величиной с трамвайный вагон, крошечные кабины офицеров, кубрик с матросскими койками - парусиновыми одеялами, подвешенными на двух веревках. Если моряк умирал, его, прежде чем опустить за борт, зашивали в эту койку. Последний стежок иглы делался через нос.

Добрался до святая святых - каюты вице-адмирала лорда Горацио Нельсона. Осмотрел его рабочий стол, умывальник, подвесную койку, напоминающую то ли гамак с белыми шелковыми бортиками, то ли матерчатый гробик. Оказывается, великий адмирал был невысок, щеделушен, даже щупл, белокур и румян, как девушка, глаз имел голубой, никогда не носил черной повязки на изуродованном в битве при Корсике втором, а в сражении у берегов Тенерифе потерял и правую руку.

Прочел знаменитую молитву, написанную великим флотоводцем накануне Трафальгара (она высечена на его памятнике в Портсмуте). На верхней палубе сэр Нельсон был смертельно ранен. Медная плитка - место падения лорда Горацио, сраженного пулей стрелка с мачты французского корабля.

Вот у этого борта он пролежал свои последние три часа, уже зная, что вражеский флот разгромлен. Последняя просьба адмирала: не опускать его в море, а похоронить на родине, в Англии. До берегов Альбиона было не менее двух недель пути. Врач опустил труп в огромную бочку - она стоит здесь с тех пор - крутобокая, темно-шоколадного цвета, и доверху залил бренди, заспиритовав таким образом сиятельного покойника.

Есть версия, сказал гид, что матросы потом выпили этот бренди за упокой души своего командира...

В театре, перед началом спектакля, когда уже все сидели на местах, девочка распечатала коробку конфет и протянула ее мне, угощая... В магазине фотоаппаратуры улыбнулся паренек лет четырнадцати - белозубый, причесанный, румяный.

И я удивился мысли, что и эта девочка, и этот мальчишка - потомки той самой матросни, которая в шейных платках и густых бакенбардах топала своими грубыми башмаками по палубам и трапам "Виктории", накачивалась горячим грогом и пивом, сквернословила, забывала молиться, плела в наказание плетки, и в конце концов медленно опускалась на морское дно, запеленутая в тяжелую, быстро намокавшую серую тряпку...

"Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен... иначе как по закону страны"... "Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их"... Это "Великая Хартия вольностей". Принята 15 июня 1215 года - почти восемьсот лет назад! Не случайно каждый англичанин почитает эту дату, как первый день своей многовековой свободы...

Утро в одном из пабов Портсмута. Пахнет хорошим табаком и старым деревом. Ни души... Рассеянно просматриваю меню и вдруг обнаруживаю: "Чикен Киев". Цыпленок по-киевски с салатом и жареным картофелем... 4 фунта 50 пенсов. В переводе на рубли - тридцать с чем-то тысяч. Недешево. Вообще, Англия страна дорогая. Что-то можно купить дешевле, чем у нас, но не намного, что-то дороже... Но продукты стоят примерно столько же, сколько и у нас. Это и есть мировые цены.

Зато самая низкая пенсия в стране - 60 фунтов в неделю, то есть 240 в месяц. По нашему - миллион пятьсот тысяч. Этот контингент пенсионеров не платит за жилье и коммунальные услуги - это берет на себя государство.

За все три недели пребывания в Британии я ни разу не чистил ботинки. Не было необходимости. Да и откуда здесь взяться грязи, если тротуары вымощены каменными плитками и постоянно моются, проезжая часть улицы покрыта не асфальтом, а тоже плитками, либо чем-то вроде крепчайшего бетона? Ни одного клочка голой земли - либо цветы (особенно популярны почему-то нарциссы, фиалки и незабудки), либо знаменитый английский газон. И у всех англичан башмаки прямо сияют, словно их только что начистили кремом.

Почему-то и женщины, и мужчины предпочитают черную обувь...

Припортовый район Портсмута Саунсиа засажен гигантскими деревьями, которых больше я не встретил нигде. И ни у кого не мог добиться названия великанов. Это превратилось в навязчивую идею: как люди могут жить рядом с деревьями, не зная их названия? Я опрашивал таксистов, школьников, пенсионеров, служащих отеля, продавцов, барменов и даже мэра Портсмута. Мэр развел руками - он не знал, какое дерево украшает его город.

И только в день отъезда, перед памятником худощавого тонконового, опирающегося на шпагу Нельсона, я в последний раз привязался к молодому человеку, тащившему за руки двух белобрых девчонок-близнецов. Он оказался моряком и знал порт "Одесса" - хотя сам туда не заходил.

- Эвкалиптус, - ответил он на мучивший меня вопрос. Я не стал задаваться новым - откуда он взялся в Портсмуте?

На пути из Хитроу рейсовый автобус - красавец "Вольво", отлакированный, хорошо вымытый, обшитый внутри синим вельветом - сделал очередную остановку в провинциальном городке. Винчестер... Улочки так узки, что, протянув руку из автобусного окна, можно дотронуться до балконов двухэтажных, сложенных из дикого камня домов.

Ах, сойти бы в этом волшебном Винчестере и пожить здесь месяц-два... А автобус тем временем выплыл на автостраду и понесся, огибая зеленые холмы, дальше на юг, к Ла-Маншу, который британцы почему-то называют "Инглиш чэнел" - Английский канал.

За несколько дней до отъезда домой по 4 телеканалу Би-Би-Си шел английский фильм "Путешествия Гулливера". Два вечера подряд смотрел я эту отличную ленту, созданную режиссером Чарльзом Стариджем с великолепным Тедом Денсоном в заглавной роли. Драматургия фильма: Гулливер рассказывает в английском суде о своих необычайных приключениях, и мы тут же видим, как это все происходило.

Но почему в суде? Да потому, что рассказ бывшего судебного врача, пропадавшего

несколько лет, вызывает у окружающих только насмешки. А у судей, у тех самых знакомых нам по фильмам почтенных судей в белых париках, олицетворяющих, казалось бы, саму справедливость, - гнев и возмущение. Ведь Гулливер, продолжающий всем сердцем любить свою Англию, нисколько не стыдясь, обличает пороки английского общества, пороки, от которых уже давно сумели избавиться там, в неведомых странах, где он побывал. Но здесь, дома Гулливер - безумец. Его бросают в камеру психиатрической лечебницы, подвергают принудительному лечению. Есть один простой способ освободиться и вернуться к семье: публично признать, что все его приключения - выдумка. Об этом умоляет жена, это так просто! Гулливер стоит на своем... Он согласен снова оказаться в тюремной больнице, но не откажется от правды.

Таков подлинный Гулливер.

Обыкновенный англичанин.

Очень похоже.

Лондон - Истборн - Портсмут - Рединг - Москва